

Я и не ожидал, что закрытый клуб будет приносить в разы больше денег, чем цирк. После первого же представления я нанял исполнительного директора для цирка и почти не контролировал труппу, уехавшую в турне по всей стране. Целиком посвятил себя клубу и своим подопечным.

Самый первый и самым простой номер, который мы подготовили и показали, произвёл на зрителей такой фурор, такое неизгладимое впечатление, что на следующее представление пришли все члены клуба без исключения и ещё привели своих друзей. На вырученные деньги я мог бы купить новую машину и укатить, куда глаза глядят, подальше от опасности быть проглоченным и переваренным любым из этой пятёрки, но бросать в прямом смысле слова страшно полюбившихся мне артистов я не собирался. Они добрые, наивные и, доверяя мне целиком и полностью, смотрят на меня, как на человека, от которого зависит их жизнь. На самом деле это моя жизнь зависит от их голода и поведения на публике. Риск огромный, но кто не рискует – не пьёт шампанское.

С помощью долгих и упорных тренировок мама необычного семейства научила своих дочек контролировать выделение желудочного сока и подавлять желание сглотнуть, когда «пища» лезет из желудка обратно в рот. Только после этого мне удалось усовершенствовать первоначальный номер, добавив в него кучу новых элементов, и научить их делать всё красиво, отточив каждое движение.

И так! Звонят фанфары, в зрительном зале, похожем больше на театральный, гаснет свет, прожектор ярким пятном освещает центр сцены, и... Вот они, мои любимчики, мои вечно голодные здоровяки, естественно голые, под аплодисменты выходят на сцену.

- Тише! Представление начинается!

Вся семья вышла на сцену, как на прогулку. Глава семейства встал на одно колено. Старшая дочь Люся элегантно обошла вокруг него, грациозно взмахнула мощной ляжкой и, держась за его плечо, забралась на любезно подставленную ногу. Потом осторожно балансируя и держась за протянутую папину руку, встала на его плечи, потом на лоб и со счастливой улыбкой, выпрямилась. Тоже самое, абсолютно синхронно, сделала Вика, забравшись на маму.

Моё еле слышное: «Ап» из-за кулис и родители слегка подпрыгнули. Дети подлетели, вскинули руки вверх, под их ногами широко открылись рты, и они, с интересным звуком «Глюп», провалились в их желудки целиком и полностью. Животы резко увеличились, рты одновременно захлопнулись, языки с довольной улыбкой облизнули губы и коленки детей чётко нарисовались на натянутой коже. Несколько движений руками и лицами изнутри выдавили их очертания и дали понять аплодирующим зрителям, что только что проглоченные девушки живы и прекрасно себя чувствуют внутри своих поглотителей.

Снова тихое «Ап», мама с папой подпрыгивают сильнее и дети выскакивают обратно, оттолкнувшись от их желудков. Рты закрываются и Люся с Викторией снова, слегка балансируя, стоят на лбах своих родителей. Затем сёстры красиво спускаются на сцену, и к ним присоединяется Шурочка.

Папа слегка наклонился вперёд, широко открыл рот, а его младшенькая разбежалась, обворожительно тряся грудями, выставляя пухлые ляжки колесом и, как я её просил, оттопыривая сочную попку. Подпрыгивает, делает сгруппированное сальто вперёд, выпрямляется в воздухе как струна и... ныряет щучкой, исчезая между широко разведёнными губами отца.

Рот захлопывается, громко лязгнув зубами, так, что некоторые зрители ахают. Папа, облизываясь, выпрямляется, с улыбкой на лице поглаживая свой раздутый живот. Доченька внутри него напоказ выпячивает свои округлости, чтобы их чёткий рельеф видели даже те, кто сидит в последнем ряду, заплатив за это зрелище кругленькую сумму. Она, не торопясь, как я её учил, развернулась, просунула руки в его пищевод и застыла, ожидая сигнала. Виляя своими нижними округлостями мама, не спеша подходит к мужу, почти незаметно хлопает его по животу, и...

Супруг подпрыгивает, а Шурочка тут же выскакивает изо рта высоко вверх. Как только вытянутые носочки младшенькой покинули рот, Виктор быстро отпрыгивает в сторону, а его место занимает супруга. Дочь в воздухе группируется, разворачивается вниз головой, вытягивает руки вперёд, выпрямляется как свечка и... мама, высунув язык, ловит свою любимицу открытым ртом.

После нескольких замысловатых движений в её желудке на показ, Шурочка снова замирает, а в это время к ним подходит Люся. Мой гениальный мозг в процессе создания этого интереснейшего номера не терпел повторений (от скромности не умру, особенно с такими прожорливыми друзьями), поэтому, выпрыгнув из желудка мамы, Шурочка летит в рот старшей сестры. Руки и голова уже в пищеводе, груди вот-вот окажутся там же, и...

– Ам! – она застревает, разбрызгивая слюни, в сомкнувшихся губах Люси! На пару секунд остановив скольжение сестрёнки в свой желудок, она ослабила хватку и Шурочка плавно, как в замедленном кино, продолжила своё погружение в нутро.

Знойное тело, торчащее изо рта вниз головой, оттянуло носочки, как это делают настоящие гимнастки, и очертания пышной груди медленно под тяжестью волнующих выпуклостей поплыло вниз по горлу. Губы, обильно капая слюной, проглотили рёбра и розовой лентой заскользили по лёгкому жирку на животе.

Пупок глубокой ямочкой эротично приблизился к нижней губе, которая повторяя очертания, заполнила его слюной и спрятала от замороженных зрителей. Дорожка светлых, блестящих волосиков, ведущая к пухлому лобку, отделённому неглубокой складкой от живота, постепенно исчезала там же, а широкие полушария идеальной формы начали растягивать губы в тонкие ниточки.

Чёткий силуэт Шурочкиных рук и лица проявился на вспучившемся животе, а тонкие ниточки поравнялись со складкой и тут... Я увидел, как красный язык Люси шустро выполз наружу, облизнул лобок и снова скрылся от глаз. Даже тут на сцене, перед всеми зрителями, она не упускает возможности поласкать любимую сестрёнку между ног и насладиться её вкусным соком.

Во время каждой репетиции, каждой тренировки, в тот момент, когда аппетитная попа Шурочки попадает в рот Люси или Вики, они втихаря вылизывают её сладкую щёлочку, озираясь по сторонам, чтобы не заметили родители и подмигивая мне, говоря глазами: «Только попробуй сдать...»

А оно мне надо? Кому хочется раствориться в желудочном соке? Вот и я про тоже. Хотя найдутся желающие покончить с собой, не предпринимая никаких усилий и сегодня после представления их группа собирается в клубе. Они сейчас все здесь, среди зрителей и многие воображают себя на месте Шурочки, строя грандиозные планы на последний вечер в их жизни.

Чудесное зрелище медленного погружения продолжалось под бурные аплодисменты, и когда

широкая попа, заполнила весь вместительный рот, я увидел, как под нижней губой образовался и исчез еле заметный бугорок. Сомнений нет – это язык Люси забрался туда, куда и хотел.

Шурочка слегка задрыгала ногами, поочерёдно сгибая их в коленях и помогая руками быстрее продвинуться в желудок, но, как всегда, Люся крепче сомкнула губы и зажатой со всех сторон девушке избежать оргазма не удалось. Она задрожала, метаясь внутри из стороны в сторону, продолжая медленно двигаться вниз. То тут, то там, на животе вырисовывались бугры от рук и головы Шурочки, а торчащие изо рта ноги только сильнее сомкнулись между собой, не давая языку проникнуть на всю длину, а может наоборот, не желая выпустить его наружу, сильнее сжимая его, чтобы, как можно дольше насладиться его присутствием.

Наконец-то губы немного расслабились, быстрее пропуская в себя обмякшее, после потрясного удовольствия тело, и сомкнулись за упругой округлостью, которая расширив пищевод, продолжила свой незамысловатый путь. Горло чётко показало, где находится самая широкая часть тела, скользящая вниз по прямой, медленно, но верно, приближаясь к желудку. Груды уже вывалились из пищевода их не так чётко видно, и всё внимание зрителей переключилось немного выше.

Голые ляжки, торчащие вертикально вверх, медленно задвигались в рот, постепенно скрывая свою красоту. Губы потихоньку поглощали единственную сексуальную плоть, оставшуюся снаружи, и постепенно приобретали свою привычную форму.

Живот Люси набухал, показывая, как Шурочка внутри сворачивается кольцом и, когда колени коснулись губ, попа провалилась в желудок. На репетиции я хотел, чтобы в это время она развернулась, но после нескольких попыток понял, что пока ноги во рту, это невозможно. Осталось только эротично пошевелить ступнями перед тем, как они лягут на язык и губы наконец-то сомкнутся, целиком поместив одно девичье тело в другое и, оставив снаружи только два больших пальца ног.

Как только щиколотки коснулись губ, Шурочка удобнее расположилась в желудке и начала не торопясь шевелить ступнями. Одну опускает, другую поднимает, потом разводит их в стороны и снова сводит вместе.

По глазам Люси вижу, что не терпится глотнуть. Она устала держать запрокинутую назад голову в неестественном положении. Как же я её понимаю. Давай, моя девочка, заканчивай затянувшуюся часть номера.

Маленький, не сильный глоточек и Шурочка проваливается чуть глубже. Щиколотки входят в пищевод, и лишь большие пальцы ног остаются снаружи. Запрокинутая голова Люси возвращается в своё нормальное положение и её полуприкрытые от удовольствия глаза излучают такую неприкрытую радость, что сразу всем становится ясно, как она любит глотать людей целиком.

Я за кулисами пристально наблюдал за происходящим, и в который раз переживал за своих артистов, которым явно нравилось показывать то, чему они научились. Пройдя по краю сцены с полуоткрытым ртом, безмолвно хвастаясь, она показывала всем, что у неё там находится. Она повернула голову в мою сторону и стрельнула вопросительным взглядом. Говорить она ещё не могла, а мычать во время представления я им строго настрого запретил. Знаю, что хочет спросить. Можно ли спуститься со сцены и пройти вдоль первого ряда? Давно просила это сделать, даже репетировала, но я всегда отказывал. Боялся, что люди от увиденного в непосредственной близости, как тот конференсье, в обморок начнут падать. Что ж, риск

благородное дело, поэтому я предварительно осмотрелся, убедился, что в зале нет злых, сердитых и недовольных лиц, и нехотя кивнул Люсе в знак согласия.

Очаровательная улыбка расплылась по дважды довольному лицу. Почему дважды? Потому что, во-первых, в её желудке находится любимая сладенькая сестрёнка, а во-вторых, сейчас сбудется её мечта – походить по зрительному залу, чтобы многочисленные руки потенциальных вкусняшек погладили её живот. Вот почему я боялся своих воспитанников отпускать в зрительный зал. Для них зрители – это еда! Вкусная, сытная еда! И её так много, что всей семье хватит обожраться на несколько дней вперёд! И ещё останется.

Люся, уже не глядя на меня, почти бегом спускалась со сцены, боясь, что я передумаю и, как только ноги сошли с последней ступеньки, тут же зашевелились желающие пощупать это, как они думают, чудо природы. Она подходила только к тем, кто протягивал руку, чтобы погладить живот и убедиться, что внутри правда находится целиком проглоченная девушка. Люди не верили, что там действительно та девушка, что только что прыгала из желудка в желудок, что она жива и прекрасно себя чувствует. Но когда они видели, что пальцы ног, торчащие из улыбающихся губ, шевелятся, а если прикоснуться к животу, то изнутри через стенки желудка и кожу кто-то выпячивает свои части тела, восхищение и восторг переполняли чувства через край!

Когда кто-то лез в рот, чтобы пощупать пальцы ног Шурочки, Люся уворачивалась и перехватывала любознательные руки, опуская их на свой живот.

Тех, кто махал руками и отворачивал лицо, показывая, что ему неприятно, приходилось обходить подальше, чтобы не нервировать. К желающим прикоснуться Люся шла уверенным шагом. Всё именно так, как я учил на репетиции.

Одиноким мужчины, со страхом в глазах гладили необычную женщину, на целую голову выше них не только по огромному животу, но и по лежащим на нём пышным грудям с торчащими сосками. Люся в это время смущённо отводила взгляд, но не отталкивала их, а даже наоборот, подставляла свои выпуклости и впуклости под ласковые руки. Один богатеи обнаглел до такой степени, что попытался спереди обнять необъятную часть тела, но громадное шевелящееся пузо не дало осуществить задуманное и, когда мужик попытался прижаться сильнее, живот легко и просто оттолкнул наглеца. Смех всех тех, кто видел этот аттракцион, заставил самых любопытных встать со своих мест, чтобы получше всё рассмотреть.

Тем временем, чтобы остальные зрители не скучали, на сцене продолжались не менее волнующие действия. Вика стояла между папой и мамой и, держась за их мускулистые руки, улыбалась во весь рот. Они втроём синхронно пританцовывали под лёгкую негромкую музыку и наблюдали за тем, как удивлённые люди из первого ряда гладят Люсю по шевелящемуся животу.

Повернув голову к отцу, средняя дочь облизнулась, раскрыла ему рот и подмигнула зрителям. Услыхав аплодисменты, она заглянула в горло, наклонила голову вперёд и, счастливо улыбаясь, просунула её в раскрытый рот. Отец милой девушки слегка наклонился, чтобы ей не тянуться и не стоять на цыпочках, но закрывать свой рот не спешил. Почувствовав некую свободу действий, она осторожно просунула туда же сначала одну, а потом и вторую руку. Даже дрессировщик тигра не позволяет себе подобного. Глава семейства, недолго думая, сомкнул свои губы на шее дочери и взялся руками за её талию. Приподняв её так, чтобы она приняла горизонтальное положение, он выпрямился и задвинул её плечи в свой рот. Красивые груди заколыхались возле его нижней губы, а на горле чётко образовался рельеф головы. Как и было задумано, ноги девушки оказались точно напротив лица матери. Та с милой улыбкой

увлажнила языком свои губы, схватила голени дочери и сунула в свой рот так глубоко, что ступни оказались в горле.

Оба родителя теперь могли смотреть только вверх, поэтому они синхронно протянули руки друг к другу и на ощупь сцепили их в замок. Правая рука отца оказалась в сцепке с левой рукой мамы, а его левая с её правой. Дочь повисла, как мостик через пропасть между двумя ртами, ничуть не прогнувшись под тяжестью собственных частей загоревшего тела.

Зрители замерли в ожидании какого-нибудь акробатического номера, но супружеская пара сделала проще. Они со счастливыми лицами одновременно стали наклоняться друг к другу, плавно поглощая тело свой доченьки. Ноги постепенно скрылись во рту матери, чьи губы остановились возле круглой попы, а увесистые груди, как спелые плоды папайи, сдвинулись вместе, вошли наполовину в рот, а остальная их часть осталась торчать снаружи. Они, как надутые воздушные шарiki с попками – соками капали прозрачной слюной.

Родители наклонялись всё ниже и ниже и, как только угол наклона достиг девяносто градусов, они замерли на какую-то долю секунды, а потом, стремительно сблизились и слились в страстно-необычном поцелуе! Губы, растянутые в тонкие ниточки, охватили Вику чуть выше пупка и соприкоснулись друг с другом так плотно, что слились в одну тонкую розовую полоску.

Пока они соединялись в поцелуй, который никто в целом мире не сможет повторить, одна половина дочери въехала в отца. Увесистая грудь втянулась в рот и, проехав по его языку, спряталась в пищеводе. Чудесные контуры чётко виднелись в районе солнечного сплетения, и топорщились не менее красиво, чем секунду назад, когда были снаружи.

На теле мамы, как на змее, проглотившей два надувных мяча для пляжного волейбола, выделилась самая обширная часть Вики – задняя. Согнутые ноги в коленях треугольником топорщились на животе, а родители всё стояли, нагнувшись друг к другу, и наслаждались прекрасным поцелуем, в центре которого был плод их страстной любви – средняя дочь Вика.

Зал загудел, обсуждая между собой эротический трюк, который не сможет повторить ни один человек в мире. Что будет дальше знал только я и мои замечательные артисты. Зрители могли лишь догадываться о том, что их дочь перелезет сначала в желудок матери, потом в отца, но случилось то, чего никто не предвидел.

<http://tl.rulate.ru/book/59263/1521083>